

На улицах Кантерлота царила предпраздничная суета. Время было немного за полдень, и кто-то уже сидел по домам, отсчитывая последние часы до начала официального празднования Дня Горящего очага и готовя праздничное пиршество, а кто-то, как вон те толпы стоявших в очередях и едва ли не дышавших друг другу в круп поней, торопился срочно докупить что-то совершенно однозначно необходимое, о чём, конечно же, вспомнили в самую последнюю минуту.

Собственно, ничего удивительного в этом зрелище не было — подобное происходило каждый год перед любым крупным праздником, особенно — накануне Дня Горящего очага. Несмотря на заполонившие улицы толпы пони всех цветов и рас, яркие украшения на заборах, окнах домов, ветвях деревьев и витринах магазинов в полной мере отражали витающую в воздухе атмосферу предвкушения праздника. Всё вокруг происходило почти так же, как и много веков назад, во времена основания города, словно кто-то решил вырвать этот день из прошлого и развернуть сейчас именно ради этого случая.

Правда, как известно, Дискорд прячется в деталях, и «почти» в этот год отличалось от обычного чу-у-точку больше. Словно по мановению волшебной палочки толпа расступилась перед единорожкой и её свитой. Собственно, в самой мятно-зелёной единорожке, с улыбкой вышагивающей посреди следующего за каждым её движением пятна яркого света, ничего необычного не было. Чего, правда, не скажешь о её спутниках. Оба шагавших рядом с ней двуногих существа были похожи на безрогих минотавров.

Тот, что шёл впереди, был одет в тёплые штаны и длинную бесформенную куртку, которая выглядела так, будто её сшили из пухового одеяла. Поверх одежды на нём была надета упряжь, на которой держалась необычная рама, закреплённая вокруг пояса этого странного минотавра. Из самой рамы торчала непонятная коробка, исходящий из которой луч света был постоянно направлен на единорожку.

Подробности внешности второго спутника единорожки были куда заметнее. Судя по голосу, им, точнее, ею была кобыла с довольно отталкивающим вкусом в выборе одежды. Если шерстяные штаны на ногах выглядели вполне нормально, то куртка на незнакомке оказалась сшитой из меха каких-то несчастных грызунов, а лапы — покрыты шкурами убитых животных. Из-под соломенного цвета гривы виднелись ярко-голубые глаза, а выражение лица минотавроподобной кобылы говорило о почти понячьем интеллекте.

— Что ж, Хизер, предлагаю остановиться здесь на минутку и дать копытам отдохнуть, — сказала единорожка, замерев напротив сосны, увешанной украшениями всех цветов радуги. — Мне всегда нравилось смотреть на то, что получается, когда все три племени действуют вместе.

— Она просто прекрасна, — согласилась с ней одетая в меха спутница. — Эта ёлка прекрасно вписалась бы в рождественские декорации где-нибудь в центре Лондона.

— Я до сих пор поражаюсь тому, как много общего между нашими мирами, — усмехнулась мятная пони. — Удивительно, как похоже мы отмечаем некоторые наши праздники, которые к тому же схожи по своей сути.

— Мама! — вдруг раздался высокий жеребячий голосок. — А кто это такие?

— Понятия не имею, Пэйшен Фрут[1], — раздался кобылий голос. — Лучше не привлекай к себе их внимания — они могут быть опасны.

Свет из коробки тут же перескочил на блондинистую минотавриху, которая в этот момент повернулась в сторону любопытной малышки и увидела, как бирюзовая кобыла-единорожка торопливо пытается прикрыть ногами от их взглядов жёлтую жеребёнку. Когда безрогая минотавриха направилась к ним, эти двое попытались попятиться и скрыться в толпе, однако толпа явно не пожелала помочь им спрятаться.

— Простите, мэм, — сказала минотавриха, остановившись в метре от пары пони, — можно поговорить с вами и вашей дочерью?

— Всё в порядке, они со мной, — поспешила заявить Лира, торопливо прорысав к ним троим.

— А ты кто? — спросила кобыла.

— Лира Хартстрингс. Посол принцессы Селестии в людском мире.

— А эти? — перевела взгляд на «минотавриху» кобыла.

— Меня зовут Хизер, я человек, — ответила та. — Мы здесь для того, чтобы познакомить наших телезрителей с культурой пони.

— Не-а, ты врушка! — заявила Пэйшен Фрут, высунувшись из-за маминых ног. — Все пони знают, что люди — это сказочки для маленьких жеребят! А я уже не маленькая! Кто ты на самом деле?

— Ладно, милая, ты меня подловила, — усмехнулась Хизер. — Я репортёр... правдоруб[2]. И это может стать моим звёздным часом.

— Прайдоруб? — округлила глаза Пэйшен. — Ты охотишься на хищных львов?

— Что? Нет, конечно же, я не...

— Тогда на других хищников? На тигров?

— Милая, я не охотник, а репортёр. И не в том смысле «правдоруб».

— Значит, ты рубишь древолков?

— Пэйшен, волки живут стаями, а не прайдами, — поправила её мать.

— Ой, точно... Тогда медведей?

Хизер беспомощно взглянула на мать жеребёнки, только подлившую масла в огонь неуёмного любопытства дочери. Та равнодушно пожала плечами.

— Ладно, Пэйшен Фрут, — поспешила вклиниться Лира, — какой подарок ты хотела бы на День Горящего очага?

— Компактную копию красного короткого копытного арбалета с адаптивным самовзводным курком! — скороговоркой выпалила жеребёнка, ни разу не запнувшись. — С имитацией настоящих болтов с вольфрамовым сердечником! — добавила она после вдоха.

Хизер ошарашенно вытаращилась на радостно улыбающуюся жёлтую поняшку.

— Ребёнок, ты ж себе им глаз можешь выбить! — в сердцах воскликнула она.

— Эй, я не рыбёнок! Я пони!

Вздохнув, женщина посмотрела на её мать.

— Вы же понимаете, что ваш муж уже наверняка купил его ей?

— Её отец считает, что эти игрушки слишком опасны, и начинает мелко трястись от одной мысли обо всём, что хоть отдалённо напоминает оружие, — покачала головой кобыла.

Хизер непонимающе хлопнула глазами, и тут её осенило, когда она вспомнила об особенностях культуры пони.

— А, то есть его ей вы взяли, да?

Кобыла в ответ сделала страшное лицо и яростно показала копытом жест «молчать!».

— У меня был почти такой же, когда я была жеребёнкой, — едва не прошипела она.

— Главное не забудьте купить ей защитные очки, — со вздохом заметила женщина.

— Давайте всё же продолжим нашу экскурсию, — поспешила перевести тему Лира, довольно бесцеремонно отпихивая Хизер в сторону от кобылы. — Уверена, многие пони с радостью дадут

нам интервью.

Джеймс Тилли вздохнул, легонько взмахнул палочкой, и на табличке у него над головой проступила надпись мелом: «Следующий: №97». При обычных обстоятельствах в Департаменте Делопроизводства Министерства Магии в этот день было бы тихо и пустынно, словно в церкви в канун Рождества. Маг с нетерпением ждал, когда сможет насладиться праздничным весельем, приятно побулькивающим в большой фляге, таящейся во внутреннем кармане мантии. Учитывая всё, что случилось за последнюю неделю, и понимая, что такими темпами можно ожидать от судьбы чего-то вплоть до совсем уж абсурдного и кажущегося невозможным, обжигающее содержимое этой фляги было единственным, что помогало хоть как-то справляться с царящим вокруг безумием.

Зал сегодня временами оказывался забит до отказа — настолько, что очередь к нему выстраивалась змейкой. Работающему с восьми утра Тилли отчаянно хотелось плюнуть на всё и взять перерыв на обед. Честно говоря, подошёл бы любой перерыв по какой угодно причине, но сегодня он, увы, работал в одиночку. Ему уже несколько раз приходилось очищать своё тело магией, потому что бедняга не имел и пяти минут на то, чтобы пойти умыться, а ведь он проработал всего десять часов из двенадцатичасовой смены. Наконец осталась только одна небольшая семья, сидящая за одним из столов для посетителей и в недоумении перебивавшая бланки, пытаясь разобраться во всех хитростях казённого крюкотворства.

Прикрыв глаза, Тилли помассировал переносицу, пообещав себе, что закроет офис сразу, как только разберётся с их проблемой.

— Вы уверены, что это не может подождать до конца праздников? — внезапно раздался из коридора знакомый мужской голос, знаменуя прибытие ещё одной группы граждан, нуждающихся в его помощи, отчего Джеймс Тилли снова смиренно вздохнул, покорно принимая непонятно за что ниспосланное ему наказание.

— Нет, Северус, — возразил ему строгий женский голос, и в его кабинет вошли два очень хорошо знакомых ему человека, которых, однако, он точно не ожидал увидеть именно здесь, — этот вопрос нужно решить немедленно.

— Профессор Макгонагалл? — удивлённо вытаращил глаза Тилли. — Профессор Снейп? Чем могу помочь?

— Моя дорогая коллега утверждает, что я должен немедленно проверить записи о себе и своём семейном положении, — ответил Снейп. — И я до сих пор не могу понять, что там такого

важного и когда это могло измениться.

Тилли мог поклясться, что на строгом лице его бывшего профессора трансфигурации промелькнула усмешка.

— Я более чем уверен, — тем временем продолжил Северус, обернувшись к Минерве, — что с моего последнего визита сюда в моей семье не случилось ни новорожденных, ни смертей, ни свадеб.

Вместо ответа Макгонагалл вытащила из кармана мантии галлеон и положила на стойку перед Джеймсом.

— Мы были бы признательны за ускоренное обслуживание, мистер Тилли, — сказала она.

Устало кивнув, мужчина отошёл к шкафам и вскоре вернулся с конвертом из плотной бумаги.

— Поздравляю, профессор, — произнёс Джеймс, положив послание перед зельеваром.

— Я понятия не имею, о чём вы говорите и с чем, собственно, меня нужно поздравлять, — раздражённо процедил Снейп.

— Здесь написано, что с недавних пор ты женат на Жаклин Эппл и Закарии Мстари, — озвучила Минерва, вскрыв папку и наскоро ознакомившись с её содержанием.

Снейп вырвал документы из рук женщины и торопливо перечитал написанное лично.

— Как? — Одно лишь то, насколько быстро его взгляд метался по тексту, выдавало, насколько зельевар не верил в то, что видели его глаза. — Это же двоежёнство, — выдавил он наконец.

— Впечатлена твоим мужеством, — пожала плечами Макгонагалл. — Две жены — это ещё и сразу две тёщи!

— Мне сейчас совсем не до шуток, — огрызнулся зельевар, только подтверждая своей реакцией слова Тилли. — Если верить написанному, моя магия теперь связана одновременно и с Эпплджек, и с Зекорой на уровне, значительно выше того, что в Министерстве принято считать за благословлённый магией брак. Матрица практически полностью совпадает с древними свадебными ритуалами друидов. Да как это вообще могло случиться?

— Видишь ли, — Макгонагалл с трудом смогла сдержать улыбку, — когда жеребец и кобыла очень друг друга любят...

Тилли, увы, так же успешно сдержать веселье не удалось.

— Всё это законно, так что могу только порадоваться за вас, — фыркнул он, пытаясь сдержать смех, но тут же постарался стать серьёзным. — Министерство даже провело специальные переговоры по поводу этих браков с правительством Эквестрии, и в результате обе стороны признали их легитимность. В любом случае мы пока не знаем способа разорвать такую связь и принципиально возможен ли он вообще.

— Смотрю, вы неплохо подкованы в этом вопросе, — ядовито процедил Снейп, не отрываясь от чтения.

— Эти дела довольно заметны, поскольку для каждой новой жены появляется новая папка, — ответил Джеймс. — К сожалению, прежде чем мы сможем отправить иммиграционные документы, младшему клерку, в данном случае мне, приходится просматривать записи как Министерства, так и маглов, чтобы подтвердить их статус иностранцев. Честно говоря, — продолжил маг, пожав плечами, — вы с двумя жёнами не очень-то и выделяетесь. Пока что рекорд принадлежит Питеру Петтигрю, и вряд ли кто-то в ближайшее время догонит его по числу жён, хотя до меня доходили слухи о некоем Уилтоне, который активно сокращает разрыв...

— Питер Петтигрю?! — удивлённо воскликнула Минерва. — Можно взглянуть на его документы?

— Простите, профессор, — ответил Тилли с нескрываемым сожалением в голосе, — но, поскольку он не один из ваших студентов, я вам ничем не могу помочь.

— Простите, что влезаю в разговор, — вдруг сказала женщина в магловской одежде, в одной руке она держала папку с документами, другой держала за руку десятилетнего на вид мальчика. — Я невольно подслушала ваш разговор и подумала, что он может относиться и ко мне. Понимаете, — незнакомка кинула взгляд стоящего рядом с ней ребёнка, — по молодости я совершила кое-какую глупость... с определёнными последствиями для моей жизни, при этом даже не выяснив имени своего партнёра.

Остальные взрослые в помещении с пониманием кивнули.

— Поэтому я пришла сюда, надеясь, что, раз уж Мэтт — волшебник, у вас должна быть возможность узнать имя его... кое-кого. — Женщина на мгновение прикусила губу. — Значит ли это, что я официально замужем за его отцом?

Прежде чем отвечать, Тилли смерил мальчика настороженным взглядом.

— Боюсь, что нет, мэм. Обычно пересп... э-э-э, одно лишь то действие не влечёт за собой заключение брака. Однако мы уже не раз становились свидетелями того, что отношения между пони и человеком неведомым образом оказываются неожиданно, э-э-эм, устойчивы из-

за образования между ними неведомой магической связи.

— Значит... — взгляд женщины потускнел, и она обречённо опустила глаза, — это тупик, да?

— Совсем даже напротив, — ответил Джеймс. — Независимо от обстоятельств в свидетельстве о рождении Мэтта обязательно будет содержаться имя того, кого вы ищете, неважно, маг искомый или нет. Всё это встроено в нашу систему. Мы скрупулёзно ведём учёт всех магов, рождённых на островах.

— Большинство записей обновляются самостоятельно, — добавила Минерва. — Именно поэтому мой коллега только сейчас узнал, что женат, притом дважды.

— Судя по тому, как он спокойно это принял, могу предположить, что подобное у вас — не такая уж и редкость, — заметила незнакомка с ребёнком. — Видимо, развод у вас получить так же легко.

— Нет такого понятия как магический развод, — возразила Макгонагалл. — А профессор Снейп просто чрезвычайно умело скрывает свои эмоции. Любой, кто его знает, сказал бы, что он сейчас откровенно паникует.

— Я не паникую.

— Ты уже минуту не моргаешь, — подметила Минерва.

— Сомневаюсь, что это хоть что-то значит.

— В твоём случае это равноценно тому, что кто-то другой будет бегать кругами и орать от ужаса.

Джеймс Тилли только и мог, что согласиться со словами профессора трансфигурации.

— По-моему, вы слишком уж веселитесь за мой счёт, — процедил Северус.

— Ты даже не представляешь, насколько, — не осталась в долгу Минерва.

— Не ожидал вас сегодня здесь увидеть, — сказал Артур Уизли, входя в кабинет в сопровождении Римуса Люпина.

— О, Артур, — поздоровалась Минерва. — Ты вовремя. Тебе стоит взглянуть на одно досье — на документы Питера Петтигрю и его жён.

Задумавшись ненадолго, глава Рода Уизли кивнул работнику Департамента Делопроизводства.

— Сейчас вернусь, — ответил Джеймс Тилли, отходя от стойки.

— Северус, — сказал Люпин, формально отметив присутствие ещё одного мужчины в помещении.

— Римус, — не остался в долгу тот; пожалуй, даже лёд был бы теплее тона его голоса.

— Думаю, ты сегодня здесь по той же причине, что и мы, — предположил бывший оборотень.

— Возможно, хотя в твоём случае много думать вредно, — процедил зельевар.

— Твоя жена — я так понимаю, именно в этом вы только что убедились, если судить по вашим лицам — была просто в шоке, когда я уходил, — продолжил Римус после паузы.

— Тогда я сейчас же отправляюсь к ней, — ответил Снейп, пытаясь протиснуться мимо Люпина.

— Северус.

— Да что? — последовал раздражённый нетерпеливый вопрос.

— Она — лучшая подруга жены Сириуса.

— Что ж, прискорбно слышать.

— Ты не сможешь всю жизнь его избегать, — продолжил Римус.

— Он пытался меня убить.

— Это был просто детский розыгрыш. Я был тогда в не меньшей опасности, но я простил его.

— Это твоё право.

— Ты же не можешь его всю жизнь ненавидеть!

— А это уже моё право.

Минерва, слышавшая их разговор, поджала губы, но промолчала.

— Твоё, твоё, — вздохнул Римус. — Я не в праве тебя винить, но, думаю, будет лучше для всех, если...

— Не смей об этом даже заикаться! — рявкнул Снейп.

— Кто-то должен сказать это первым, — возразила Макгонагалл. — Лили захотела бы, чтобы ты был в жизни Гарри кем-то больше, чем просто учителем.

— Она мне заявила, что не желает больше даже разговаривать со мной, — какими бы мощными ни были его щиты окклюменции, Северус не смог скрыть таящуюся за этими словами боль и обиду.

— Дети порой говорят обидные вещи, а потом не знают, как это исправить, даже если очень хотят, — сказала декан Гриффиндора. — В тот момент она была подавлена и чувствовала себя преданной.

Снейп посмотрел ей прямо в глаза, затем, словно найдя ответ на какой-то вопрос, отвёл взгляд.

— Мне нужно идти, — выдавил он. — Прошлое в прошлом. Сейчас меня ждёт настоящее.

— Тогда пусть прошлое останется в прошлом, — сказала Минерва в спину направившемуся на выход декану Слизерина. — Ты уже получил прощение; неужели просить тебя о том же — это слишком?

Северус замер в дверях посреди шага, но не обернулся.

— Ради Лили, — добавила Макгонагалл, когда не дождалась от него ответа.

— Ради Лили, — эхом отозвался мужчина и зашагал прочь по коридору.

— Похоже, не такой уж он и безэмоциональный, — отметила женщина-магл.

— Лили всегда была его слабым местом, — пояснил Римус. — Это было жестоко, — добавил он, повернувшись к профессору трансфигурации.

— И всё же необходимо и давно назрело, — ответила декан Гриффиндора.

— Надеюсь, всё закончится благополучно.

— Что ж, поживём — увидим. К счастью, в последнее время ситуация явно улучшилась.

Именно этот момент выбрал Тилли, чтобы вернуться. Ни слова не говоря, он бухнул на стойку целую стопку из, судя по всему, нескольких десятков папок. У Минервы, да и не только у неё, едва глаза на лоб не полезли.

— А это что? — любопытствовал Римус.

— Записи Питера Петтигрю и его жён, — невозмутимо ответил Джеймс Тилли, кивнув в сторону Артура. — Главы департаментов имеют доступ к большинству документов.

— Питер?! — чуть ли не волком прорычал бывший оборотень.

— Да, ты разве не слышал, что сказала Минерва, когда мы заходили? — спросил Артур, беря в руки верхнюю папку из стопки. — Она мне посоветовала просмотреть записи Питера и его жён.

— Я отвлёкся на Северуса, — ответил Римус и смерил стопку папок недовольным взглядом. — Смотрю, предатель живёт очень... активной жизнью, — сказал он со злостью пополам с восхищением.

— Это ещё мягко сказано, — согласился мистер Уизли.

— Пожалуй, будет логичным предположить, что он нашёл путь в Эквестрию, — озвучила очевидное Макгонагалл.

Артур положил папку, содержимое которой изучал, на стойку рядом со стопкой и постучал по ней пальцем.

— Похоже, в его жизни случилась трагедия. Его жена умерла.

Артур взял следующую папку. Уже через несколько секунд он нахмурился, сложил её поверх первой и поспешно схватил следующую. Так продолжалось довольно долго, отчего у наблюдателей настроение падало всё ниже и ниже. Не дойдя даже до середины стопки, Артур прекратил листать папки, сложил стопку поаккуратнее и взмахнул над ней палочкой. Пара слов — и рядом с первой стопкой покоилась её точная копия.

— Ну что? — спросила Минерва.

Мистер Уизли затравленно взглянул на неё и угрюмо покачал головой.

— Римус, будь другом, скажи Молли, что я сегодня не приду на ужин, ладно?

— Ладно, передам, — отозвался бывший оборотень. — Что эта крыса натворить успела?

— Я тебе всё потом расскажу, — ответил Артур, забирая дубликаты с собой. — Сейчас же мне нужно найти Ксенофилиуса. Мы должны остановить Питера до того, как он нанесёт ещё больший вред нашим отношениям с пони.

И с этими словами он поспешил прочь из кабинета на скорости, лишь чуть меньше спринтерской.

— Называется пошёл со мной просто, чтобы развеяться и хоть ненадолго оказаться подальше от скандала... — вполголоса прокомментировал Римус. — Кажется, уж лучше б он потерпел вопли жены.

— А из-за чего Молли так разозлилась? — поинтересовалась Минерва.

— Перси умудрился жениться, — хмыкнул Люпин.

Макгонагалл устало вздохнула.

— Вы, похоже, прямо-таки помешаны на этих браках, — отметила женщина-магл.

■■■■■ ● ● ● ✱ ● ✱ ● ✱ ● ● ● ■■■■■

Прошло несколько минут с тех пор, как последний людской аврор покинул помещение, оставив кабинет в первозданном виде. Единственное, что изменилось — пропали груды камней и одинокий горшок с цветком. Когда за ушедшими людьми закрылась дверь, воцарилась тишина. Наконец спустя довольно долгое время после того, как стихли последние шаги, вбитый — или, по крайней мере, выглядящий вбитым в потолок стол вдруг окутался зелёным пламенем.

— Ты это серьёзно? — заявил сочащийся ехидством голос. — Стол? На потолке?

— Всяко лучше, чем непонятно откуда взявшаяся куча камней, — ответил стол, точнее, тот, кто им только что притворялся.

— Уж лучше говорящий камень, чем говорящий цветок, — вклинился третий голос.

— Теперь ещё и этих болванов спасать, — недовольно пробормотал уже четвёртый голос, едва сдержав вздох. — Граппл, наша цель всё ещё у тебя? — добавил он уже громко.

— В сундуке, упакован и перевязан подарочной лентой. До сих пор не верю, что раньше нам как-то удавалось обходиться без них.

— Вам со Снатчем надо доставить его по адресу, — сказал инквизитор. — Незаметно, — с нажимом добавил он.

— Сами знаем, не вчера поди вылупились, — проворчал Граппл.

С потолка вдруг раздалось подозрительное шарканье.

— Не то, чтоб меня это сильно беспокоило, но, может, ХОТЬ КТО-ТО МЕНЯ ОТСЮДА СНИМЕТ?!

■■■■■ ● ● ● * ● * ● * ● ● ● ■■■■■

Мистик Бук привели во дворец донельзя необычные обстоятельства. У неё на копытах оказались два векселя на крупную сумму битсов. И оба, очевидно, окажутся бесполезными бумажками: банк отказался принимать их к оплате, поскольку на них отсутствовал отиск кьютимарки. Впрочем, первый вексель был от постоянного клиента (хорошо, не совсем постоянного, но с такими рекомендациями, что автоматически перешёл в разряд привилегированных клиентов после первой же покупки) с безупречной репутацией, но вот второй был получен от странного существа, сославшегося на хорошо известного Мистик пони. К сожалению, кто именно был поручителем, Мистик, в силу довольно... крепких обстоятельств, вспомнить не удалось. Может, хоть поручитель первого поможет разобраться со вторым?

Все, кто хоть немного был знаком с порядком работы дворца, знали, что по деловым вопросам, требующим разрешения принцессы Селестии, но не касающимся её лично, следует обращаться к Рэйвен Инквелл — личному секретарю принцессы и главе дворцовой канцелярии. Именно по этой причине Мистик сегодня оказалась в кабинете крупнейшей бумагомарательницы в стране.

Едва войдя внутрь, Мистик заметила хмурое выражение на лице хозяйки кабинета. Кажется, она выбрала не лучшее время для визита.

— Я чем-то могу помочь? — тон Рэйвен, тем не менее, был безупречно профессионально-нейтральным.

— J'espere[3], — кивнула посетительница. — Мне говорить обратиться к вам, если с ними возникнут проблемы, — Мистик Бук пролевитировала первый вексель всё ещё хмуращейся главе канцелярии.

— А, да, об этом я позабочусь, — ответила Рэйвен Инквелл, кинув лишь мимолётный взгляд на бумаги, затем выдвинула ящик стола и достала перо и малую королевскую печать. — Приношу извинения за причинённые неудобства. Могу я узнать, когда поступит наш заказ? — спросила она, ставя подпись и штамп.

— Je demande votre[4] терпения, — ответила Мистик. — Запрошенные кристаллы обладают крайне exigeante[5] характеристиками. Мне необходимо перенастроить те, что имеются у меня на копытах, чтобы пополнить запасы готовых кристаллов, но ваш заказ уже готов и ждёт доставки.

— Если вы не возражаете, я могу попросить стражников сопроводить вас до дома и забрать их, — предложила секретарь принцессы.

— Oui[6], — кивнула Мистик Бук. — Буду очень признательна. — Прежде чем продолжать, хозяйка магазина «Всё для зачарований» помедлила, решая, стоит ли отвлекать Рэйвен ради ещё одного дела. — Pardon[7], — наконец решилась она, левитируя секретарю ещё один документ, — вы, может быть, знаете, к кому можно обратиться, чтобы его обналечить?

Содержимое второй бумаги заставило главу канцелярии удивлённо округлить глаза.

— Корона с радостью оплатит и этот чек, — сказала темногровая единорожка. — Люди по первой же просьбе выделили нам одного из лучших своих целителей; это — меньшее, что мы можем для них сделать.

Рэйвен Инквелл пролевитировала из ящика королевский чек, быстро заполнила его и подписала.

— Merci[8], — просияла Мистик. — Я была в развешности.

— Растерянности, — не задумываясь поправила её Рэйвен. — Хотя мне и неприятно прерывать нашу встречу, — продолжила она, левитируя чек посетительнице, — но как раз перед вашим визитом я занималась чрезвычайно важным делом, о котором необходимо немедленно доложить принцессам. Прошу прощения за непреднамеренную грубость, — секретарь пролевитировала толстую стопку бумаг в седельную сумку.

— Non[9], вы очень мне помогли, — заверила её хозяйка магазина. — Вы разобрались со всем, что меня беспокоило. Merci за уделённое мне время.

— С наступающим Днём Горящего очага, — сказала напоследок Рэйвен Инквелл, после чего,

взмахом копыта подзвав ближайшего стражника, наскоро проинструктировала насчёт заказа.

Главе секретариата не потребовались долгие расспросы, чтобы выяснить, что обе старших принцессы находятся в одном и том же месте. Рванув с места, Рэйвен поспешила в указанную комнату, но, к немалому своему разочарованию, обнаружила, что опоздала — прямо перед её носом туда вошла пара людей, что гарантировало ещё одну задержку в и без того уже слишком долго избегавшего внимания принцесс деле! Тем не менее, как доверенный советник, она могла войти и подождать внутри, пока люди уйдут. Рэйвен нашла тихий уголок и встала там, наблюдая за тем, как люди здороваются и как Селестия тепло приветствует их.

Пусть эмоции и жесты людей немного отличались от таковых у пони, но не настолько, чтобы Рэйвен не заметила, что оба посетителя явно чем-то обеспокоены. Какая бы проблема их сюда ни привела, она точно повлияет на атмосферу праздника, и очевидно не в лучшую сторону.

— Ваше высочество, — без долгих расшаркиваний перешёл к делу Ксенофилиус Лавгуд. — Боюсь, я принёс не самые приятные вести. Тем не менее я очень надеюсь, что они не повредят отношениям между нашими народами, как только мы разберёмся с причиной.

— Заверяю вас, что мы приложим все усилия, чтобы это так и было, — ответила Селестия. — Уверена, мы сможем справиться со всем, что вас беспокоит.

— У меня с собой документы некоего Питера Петтигрю и его жён, — сказал Министр Магии, махнув рукой сопровождающему, который протянул ему стопку папок.

Рэйвен не смогла сдержать потрясённого вздоха. Похоже, случилось ужасное: терпение людей, ранее игнорировавших эксплуатацию их жеребцов, наконец иссякло. Бедный жеребец после всего, что ему пришлось вытерпеть, наверняка даже ходить нормально не может.

— Министр Лавгуд, — произнесла принцесса дня, смерив стопку задумчивым взглядом. — Заверяю вас, что мы, безусловно, не одобряем, чтобы какой-либо жеребец женился на таком большом числе кобыл. Прошу, не воспринимайте эту ситуацию как оскорбление, поскольку мы не были в курсе случившегося.

— Что? — человек непонимающе хлопнул глазами. — Нет-нет, проблема не в числе женщин. — Теперь уже все пони в комнате удивлённо округлили глаза. — Нас обеспокоило состояние большинства из них. Боюсь, действия Питера в высшей степени отвратительны.

— Что под сим подразумеваешь ты? — спросила принцесса Луна, забирая магией упомянутые документы. — Несомненно, одно только число вовлечённых в сие кобыл должно беспокойство вызвать.

— И оно вызывает беспокойство, — признал Ксенофилиус.

— Неловко вышло, — пробормотала старшая принцесса. — Мне очень стыдно за поступки, что совершили мои маленькие пони. Прошу, присядьте, и мы обсудим, как эту ситуацию...

— Сестра, — прервала её принцесса Луна, откладывая очередную папку, — большая часть кобыл сих умерла. Так показаться может, что ищет Питер Петтигрю только больных и немощных. Предположить мы можем, что до наследства их охоч он.

Рэйвен опешила: внезапно мяч обвинения теперь оказался на стороне людей.

— Больных и немощных? — переспросила Селестия.

— На это указывает возраст всех вовлечённых, — угрюмо кивнул Лавгуд. — Мы до глубины души потрясены действиями этого человека и немедленно выделим отряд авроров дабы помочь схватить негодяя и привлечь к ответственности.

— Вельми признательны Мы будем за содействие, — изрекла принцесса ночи, левитируя стопку бумаг Рэйвен. — Знай же, что мы не держим зла, ибо не отвечает всё ваше правительство за деянья одного развратного смутьяна.

— Знайте также, что любого, кто покусится на наших пони, ждёт самая суровая кара, — добавила принцесса Селестия. — Мы оставляем за собой право применять наказание вплоть до вынесения окончательных приговоров.

— Меньшего я и не ожидал, — сказал Ксенофилиус. — По этому поводу от нас вы не услышите ни слова протеста. Питер и без того уже разыскивается за соучастие в убийстве Поттеров. Для нас это будет даже благом, если вы сочтёте необходимым вынести... окончательный приговор.

— Сие донельзя отвратно, — молвила Луна. — Согласно Мы, что сей Питер Петтигрю должён быть привлечён к ответственности за морали и страны поправление законов.

— Простите, ваши высочества, — подала голос Рэйвен, которая только что закончила читать имена на полученных от людей документах и теперь сравнивала их имена с записями в собственной стопке бумаг. — Возможно, что ситуация не так ужасна, как кажется на первый взгляд, и я знаю, где находится Питер Петтигрю. Я не сразу поняла, что значит диагноз «заезжена до потери пульса», — добавила она краснея.

Лечебницу Понивилля можно назвать последним местом, где стоит ожидать празднование какого-либо торжества. Любой пони-обыватель предположил бы, что стерильно-белые стены, приглушенные тона и витающее в этих стенах ощущение неизбежного высосут все остатки радости подобно пробудившемуся после тысячелетней спячки голодному вампиру. Тем не менее этот День Горящего очага оказался лучшим, что видели эти стены с момента постройки — ну, как минимум, для одного низкорослого василькового пегасёнка, которому впервые в жизни дали возможность отпраздновать начало нового года. В прошлые годы его низводили до роли презируемого буфетчика и заставляли выполнять всю работу по дому, не давая за это даже крошек с праздничного стола.

В палате, укрытой защитным магическим барьером, пони, стар и млад, веселились и радовались празднику, пока их друзья и родственники за пределами барьера праздновали на расстоянии. Каждый предмет, попадавший внутрь, тщательно проверялся (и дегустировался), чтобы убедиться, что он не причинит вреда. Стены снаружи тоже были оголены, чтобы какой-нибудь злостный вирус или микроб не нашёл убежище и не устроил хаос, когда защита впоследствии будет снята.

Пегасёнок улыбался, глядя, как те, кто находился внутри, пожирают добычу, которую они всем табуном принесли. Среди пострадавших были и двое его рыжих друзей, кого все остальные почему-то считали близнецами. И он едва ли не кожей ощущал излучаемую ими и другими пациентами радость.

Синий пегасёнок до сих пор не мог до конца поверить в то, насколько всё изменилось за последние несколько месяцев. Когда-то изгой, теперь он постоянно был окружён друзьями, готовыми постоять друг за друга, чего бы им это ни стоило. Он обрёл родителей, что окружили его любовью и заботой, которых он был лишён долгие годы, новый облик и способности, которые он, простой мальчишка, даже не представлял себе и о которых не мог и мечтать.

Пегасёнок даже поверить не мог, когда впервые испытал блаженство от ощущения потоков ветра под собственными крыльями. Духи воздуха манили, и он ответил на их зов. Инстинкты, о которых он и не подозревал, проявились в тот момент, когда они были ему больше всего нужны. Ветер стал его слугой, а небеса — его игровой площадкой.

Васильковый пегасёнок нахмурился, вспоминая своё знакомство с волшебным миром. Незнакомые люди подходили к нему и убеждали, что ему суждено свершить великие дела. Создавалось впечатление, будто все считали, что его будущее предрешиено, незыблемо и высечено в камне.

«К чёрту судьбу, — торжествующе улыбнулся он, — я не буду её марионеткой и проживу жизнь так, как сам того захочу».

Празднование было в самом разгаре. Повсюду были яркие огни, украшения всех цветов радуги и радующиеся такому событию пони. Но для неё это был худший День Горящего очага.

Все пони знали, что беда не приходит одна, однако она была лишена даже этого. Даже находясь в толпе пони, наслаждавшихся гостеприимством дворца, она оставалась одна. То, сколь несправедлива к ней жизнь, за последнюю неделю стало предельно очевидным. Для пегаса потеря способности летать равносильна потере всего, что делало жизнь хоть насколько-то ценной. Самое страшное, что, когда она почти смирилась и сдалась, перед ней забрезжила надежда. Человеческий врач творил чудеса. Благодаря группе реабилитации, которую она посещала, она уже успела свыкнуться с мыслью, что отныне они все «грязедавы», навсегда привязанные к земле. Но сейчас они почти все вновь освободились от земных оков, ощутив порыв воздуха под здоровыми крыльями. Все, но не она.

Она же не создана для чудес. Человек оказался не в силах отрастить полностью утраченное крыло.

Она была не единственной в группе, кому не повезло потерять всё крыло. Однако горечь и боль от этого ничуть не становились меньше: в конце концов, что толку от пегаса, который не может летать?

После того что случилось у неё осталась лишь половина одного крыла. Пожалуй, было бы куда милосердней, если бы тогда вместо крыльев она потеряла жизнь.

Человек сказал ей, что есть и другие способы летать. Пони-то даже упоминал про летающих жеребят земных пони.

Однако это совсем не одно и то же. Она так и останется на всю жизнь калекой, уродкой, недопегасом.

Жалость, с которой смотрела на неё родня, казалась просто невыносимой.

Они всё понимали. Понимали, что ничего не могут для неё сделать.

Их объятья никак не помогут ей снова подняться в воздух. Как и их слова.

Сочувствие, как бы оно ни ценилось, в конечном итоге не имело для неё никакого смысла.

Небо теперь для неё закрыто.

Навсегда.

Веселье окружавших её пони словно огибало её, отказываясь принимать в свои объятия. Она надеялась, что присутствие на ежегодной вечеринке хоть немного поднимет настроение, как раньше.

Увы, она ошибалась.

Всё без исключения напоминало о том, чего она лишилась.

Вряд ли её настроение когда-то было мрачнее чем сейчас.

Мир вокруг казался жалкой тенью того, каким он был раньше. Тусклые, блеклые цвета. Приглушённые, словно доносящиеся сквозь вату звуки. И ни единой искры радости.

Она не видела, как всё случилось. Внезапный взрыв сотряс землю, и со всех сторон раздалась вопли.

Одна из древних колонн начала медленно заваливаться. Всепони тут же стали разбегаться. Всепони кроме одного жеребёнка, застывшего на месте от ужаса.

Он обречён.

Однако она отказывалась в это верить.

Он обречён.

Ноги рванули в галоп раньше, чем она осознала, что делает.

Он обречён.

«Да как мать жеребёнка могла бросить этого малыша на произвол судьбы?! Ему, наверное, и пяти нет!» Тем временем врождённая пегасья магия уменьшила её вес, помогая прорваться сквозь ставший плотным воздух.

Он обречён.

«Не в мою смену!» Банальная физика подсказывала, что ей нужно остановиться чуть дальше, чем он стоит. Её это устраивало.

Он обречён.

Она прыгнула вперёд, вновь чувствуя под собой знакомый порыв ветра, передние копыта коснулись друг друга, отталкивая жеребёнка-земнопони и отправляя его в короткий полёт.

Она видела, как он приземлился в безопасности.

Он будет жить.

Она прекрасно знала, что цену за свой поступок ей придётся платить не алюминием.

Секунда — и её накрыла тьма.

Она слабо улыбнулась, торжествуя в душе.

Смерть будет недовольна: она её переиграла.

[1] Passion Fruit — маракуйя.

[2] Изначально непере译имая игра слов «sub reporter» (начинающий/молодой репортёр) и значений слова «sub» (детёныш, а также щенок, волчонок, тигрёнок, львёнок, медвежонок). К счастью, благодаря активной помощи редколлегии удалось придумать, как это обыграть в другом ключе.

[3] Я надеюсь (фр.)

[4] Прошу вашего (фр.)

[5] Специфическими (также: требовательными, прихотливыми)(фр.)

[6] Да (фр.)

[7] Простите (фр.)

[8] Благодарю (фр.)

[9] Нет (фр.)

<http://tl.rulate.ru/book/28591/3762591>